

16. Степанченко В. И. Говорим, гутарим, балакаем и применяем!.. Ч. I // Слово — живое выражение характера казаков!.. СПб.: «МЕДИА ГРУПП», ООО ИПК «КОСТА», 2009. С. 8.
17. Степанченко В. И. Говорим, гутарим, балакаем и применяем!.. Ч. II // Знать — значит умело применять! СПб.: «МЕДИА ГРУПП», ООО ИПК «КОСТА», 2010. С. 3–4.
18. Степанченко В. И. На рубеже веков. Ч. I // Письмо историку-краеведу, потомственному казаку станицы Преображенская Г. И. Маноцкову. СПб.: «МЕДИА ГРУПП», ООО ИПК «КОСТА», 2012. С. 400–401.
19. Степанченко В. И. На рубеже веков. Ч. I // Казачий брат великого могучего... СПб.: «МЕДИА ГРУПП», ООО ИПК «КОСТА», 2012. С. 404–405.
20. Степанченко В. И. На рубеже веков. Ч. I // Мысли, которые будоражат душу! СПб.: «МЕДИА ГРУПП», ООО ИПК «КОСТА», 2012. С. 413.
21. Степанченко В. И. На рубеже веков. Ч. II // Призрак ДНД бродит по России. Кому на Руси охранять хорошо. СПб.: «МЕДИА ГРУПП», ООО ИПК «КОСТА», 2013. С. 596–597.
22. Храмчихин А. А. Дракон проснулся?: внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России // Степанченко В. И «Александр Храмчихин против «парадокса Гегеля» (предисловие редактора). М.: Ключ-С, 2013. С. 6, 7.
23. Степанченко В. И. Размышление в Рождественские дни. «Текущие новости»: «Казак есть православный христианин или он может быть мусульманином?» Сайт «ЛЕТКА. РФ» 9 января 2014 г.

А. А. ТОЛКАЧЕВ

9 МАЯ 1994 ГОДА

(отрывок из романа «Память крови»)

Демонстрация началась у Белорусского вокзала. Народ собирался, как и в советское время дружно, но знамен было значительно больше, чем тогда, и были они не в пример прошлым годам, разными. И лозунги тоже были разные, непривычные, дерзкие, вызывающие. И лица людей были иные. Если в прошлые годы все они имели одинаково выжидательные выражения до демонстрации, радостные дежурные улыбки во время ее, а после — умиротворенные проделанной работой и почти счастливые от предстоящего застолья, то теперь на лицах было иное. Каждый шел на улицу и в колонны добровольно, без

понуканий парторгов и профоргов, поэтому на лицах была осознанная решительность в совершаемом поступке и тревожное ожидание возможных последствий со стороны властей за этот поступок. С октября 1993 г. прошло чуть больше полугода, повсюду шли какие-то странные слухи о большом количестве погибших у Белого дома, о скорых предстоящих арестах всех участников событий, якобы вычисляемых сейчас агентурой ФСБ.

Никита вспомнил, как много лет назад, стоя часа два в праздничной колонне на ноябрьском морозце, в ожидании своей очереди на дежурное проявление патриотических чувств перед трибуной с местной партноменклатурой, он, замерзнув и разозлившись на неорганизованность властей даже в этом, грубо брякнул:

— То ли дело было при проклятом царизме: только собрались демонстранты что-то демонстрировать, тут казачки с разбойничьим пошвиством налетели, весело нагайками помахали, и все опять по домам разбежались, у печек греться. А тут мерзни!.. Ау, где вы, казачки?

Вокруг все понимающе захихикали, хлюпая соплями в покрасневших носах, и дружно запрыгали на месте, желая согреться.

Казачков у Белорусского вокзала, несмотря на все усилия Кречета и его ребят, собралось не так много, всего человек восемьдесят. По лампасам и околышам фуражек было видно, что слетелись они со всего бывшего Союза. Знакомились тут же и тут же делились новостями, искали общих знакомых, курили, шутили...

Говорили, что на Камчатке группу казачков накануне не пустили в самолет. Они, мол, звонили в Москву, жаловались... В воздухе была праздничность и легкая нервозность: как власть ответит на это выступление? Может, снова пальнет из танков?

Утренняя прохлада по-сибирски бодрила, заставляла двигаться, шевелиться, думать...

Гордо подняв голову и выставив вперед клинообразную бородку, бодрой походкой ходил от одной группы казачков к другой Михаил Карпенко, герой обороны Белого дома. Его узнавали, уважительно обнимали, целовали... Чувствовалось, что ему это приятно, и он еще более тянулся в струнку, поднимаясь на носках старых хромовых сапог, весело покрикивал, строя колонну по росту и по значимости находящихся в ней казачьих атаманов.

Было привезено и казачье знамя, его, кажется, привезли из Троицко-Сергиева посада. Атаман этой казачьей организации Влад Домин, большой и белотелый парень лет двадцати восьми, приехал с десятком

молодых казачков и тоже чувствовал себя не последним человеком в столице, празднующей не совсем обычный День Победы.

Щуплый черносотенец Иванов, с двумя-тремя молодыми людьми, отнюдь не монашеского вида, в очередной раз агитировал собравшихся за Православную партию России, не понимая, что создание таковой в масштабе страны сразу же спровоцирует создание исламской партии и Россия окажется снова поделенной на два огромных враждующих, но уже религиозных лагеря.

Несколько офицеров-отставников пришли в своей парадной советской форме. Человек восемь-десять пристали к казакам в гражданской одежде, уверяя, что на самом деле являются «природными казаками», и хотели бы идти в общей колонне со своими. Их, после общего построения, поставили в самый хвост. Они обрадовались и этому.

Почти все казаки были люди молодого и среднего возраста. Стоявшие вокруг них ветераны Великой Отечественной, поблескивая и позванивая наградами, с удивлением смотрели на молодцев в гимнастерках и кителях времен их молодости с самодельными крестами на груди, перемешанными орденами и медалями бывшего Советского Союза, со значками университетов, военных училищ и академий, с офицерскими погонами со звездами и совсем без звезд...

Случилось так, что впереди казачьей колонны, никакую определенную политическую силу не поддерживающую, оказалась колонна коммунистов, расцвеченная кумачовыми знаменами, портретами Ленина и Сталина, и огромными транспарантами.

Большинством голосов решено было дистанцироваться от них метров на сто, чтобы не было даже и намек на близость к большевикам, губителям казачества.

Так и пошли.

К казакам тут же подбежал со стороны коммунистов маленький суетливый человек, в накинутаой поверх офицерского кителя гражданской кожаной куртке, из-под которой выглядывали, позвякивая, медали, в руке у него был большой громкоговоритель.

— Казачки! — весело крикнул он хорошо поставленным командирским голосом, останавливаясь перед колонной, и размахивая ненужным громкоговорителем, волочившимся у него почти у самой земли. — Почему отстаете? Подтянитесь, на вас вся страна смотрит!

— На нас пусть посмотрит, давно не видела, а подтягиваются пусть спортсмены на турнике. Иди с богом отсюда, добрый человек. Иди! — ответил кто-то мощным басом.

И человек, минуту постояв, ушел, поняв, что казаки не изменяют дисциплине.

Впереди, постоянно выходя из колонны и молодежато оглядывая строй с разноцветными лампасами и околышами фуражек, «гарцевал» Михаил Карпенко. Именно не шел, а гарцевал. Он просто купался в той славе, которая ему досталась от погибших при обороне Белого дома казаков, и было немножко стыдно за него и обидно за них, умерших там неизвестно за что и за кого.

— Гусак! — громко сказал кто-то, восхищенный очередным «коленцем» Михаила, и все дружно засмеялись, но Михаил, шедший шагов на десять впереди колонны и знамени, не услышал обидного прозвища, но тоже, обернувшись, заулыбался, чем вызвал еще больший смех.

Накануне, встретившись у Кречета в офисе, Никита спросил Карпенко о письме защитников Белого дома, которое было опубликовано недавно в одной из казачьих газет...

Михаил с удивлением выслушал, о чем писала газета, и сказал, что впервые слышит об этом, ничего подобного, сидя тогда в Белом Доме, они не писали. Не до того было.

— Ты мне не веришь? — Никита вынул казачье удостоверение, в котором хранил газетную вырезку. — Вот!

— Так это же моя фотография! — воскликнул Михаил, увидев свое изображение в газете.

— Про это и я тебе толкую. Читай! — сказал Никита.

— «Завещание не сдавшихся защитников Белого дома», — с удивлением прочел Михаил заголовок под фотографией митингующих у Белого дома, над головами которых простирался красный стяг с иконой Нерукотворного лика Иисуса Христа.

— Читай-читай! — заинтересовался заметкой и Кречет. — Вслух читай!

— «Сейчас, когда вы читаете это письмо, нас уже нет в живых. Тела наши, прострелянные пулями, догорают в стенах Белого дома. Но мы хотим обратиться к вам, которым повезло остаться живыми в этой кровавой бойне», — забубнил, читая текст завещания, Михаил.

— Ты не торопись! — остановил его Кречет. — Документ, кажется, стоит внимательно изучить всем. Слушайте все!

— Хорошо... — почему-то заволновался Михаил. — Я буду читать громко и четко, чтобы все слышали. «Мы искренне любили Россию, — продолжил он чтение газетной статьи, — хотели, чтобы на нашей род-

ной земле (а уезжать в иноземные края мы не собирались) восстановился наконец-то тот порядок, который Богом определен ей, а название ему — СОБОРНОСТЬ; когда каждый человек имеет равные права и обязанности, а преступить закон не позволено НИКОМУ, в каком бы высоком чине он ни был. Конечно, мы были наивными, простаками, но, поверьте, пройдет время, и Россия придет к такому управлению обществом. Теперь за свою доверчивость мы наказаны, нас расстреливают, и, наверное, в конце концов, предадут, потому что мы были лишь пешками в чьей-то хорошо продуманной игре. Но дух наш, патриотический дух не сломлен. Умирать страшно, но нас что-то поддерживает, кто-то невидимый говорит нам: “Вы кровью очищаете свою душу, и теперь сатана ее не достанет. Мертвые, вы будете гораздо сильнее живых”.

В наши последние минуты мы обращаемся к вам, граждане России: запомните эти дни, не отводите свой взгляд, когда наши обезображенные тела будут, смеясь, демонстрировать по телевидению. Все все запомните, и не попадайте в те же ловушки, в которые попали мы. Скорее всего, после того, как они расправятся с нами, дело дойдет и до вас: единогласное одобрение всего в правящих структурах, повышение цен, воры-коммерсанты и нищие обездоленные работники. Только не на кого будет теперь обижаться. Но все же, дай Бог, чтобы миновала вас чаша сия.

Простите нас. Мы же прощаем всех, даже тех ребят, солдат, которые были посланы нас убить, они в этом невиновны. Но мы никогда не простим и проклинаем ту бесовскую шайку, которая своей жирной задницей села на шею России. Мы верим, что, в конце концов, наша Родина освободится от этого сионского ига.

Наши братья и сестры, берегите свою Веру, Богом данную. А русским людям завещаем сохранить ПРАВОСЛАВИЕ, не дать затоптать его иностранным проповедникам. Наши души с вами. РОССИЯ НЕПОБЕДИМА. 04.10.1993 г.».

Все слушавшие подавлено молчали, вероятно, вспоминая события полугодовой давности.

— Все это выдумки журналистов! — нервно сказал Михаил. — Правда, там были и еще какие-то казаки... Или, может, кто-то другой мог это написать кроме нас. Но то, что нас подставили, это точно — подставили, против этого не попрешь, факт!

— Зачем же ты туда залез, в эту подставу? — с горечью спросил Никита.

— Не знаю! — простодушно признался Михаил. — Как-то само собой получилось.

— Много там наших погибло? — спросил Никита.

— У меня сорок девять из пятидесяти одного. И почти все в один день. Безоружных били, сволочи! Бейтаровские снайперы кругом сидели и били на выбор, как в тире. Один казачок метров трех не дополз до двери. Вторым выстрелом добила. Но, я же говорю, там еще какие-то казаки были, я только не знаю кто, и куда они потом делись...

Никите стало нехорошо. Он взял вырезку из газеты и посмотрел на фотографию, на которой был запечатлен взвод казаков, во главе с Михаилом, картинно марширующим перед Белым домом. Молодые приятные лица, почти все одеты «по гражданке», только у нескольких казачьи фуражки, Михаил в бекеше, с погонами сотника, с португеей, с неряшливой бородой и выбившимся из-под фуражки в разные стороны лихим чубом...

И вот итог!.. Сорок девять из пятидесяти одного.

Вспомнились и телевизионные кадры из новостей того времени: тележурналист-демократ, стоящий на крыше здания у хорошо оборудованного снайперского гнезда, патетически вопрошает: «Кто и когда оборудовал эту позицию? Вряд ли мы сегодня найдем ответ на этот вопрос». И ни слова о погибших. Ни слова о трагедии сотен людей, оставшихся без кормильцев, в одночасье исчезнувших с лица земли навсегда....

Вспомнил историю с Робеспьером, одним из руководителей Великой французской революции, который, увидев толпу парижан, несущую куда-то с высоко поднятым красным знаменем, сорвался с места и с криком «Я поведу их!», кинулся наперерез знаменосцу. На вопрос друзей: «Куда же они идут?», Робеспьер ответил: «Э, да какая разница! Главное, что я буду впереди!». Все это мгновенно пронеслось в голове Никиты, и он побледнел оттого, что представил себя на месте погибших ребят, ведомых очередным Робеспьером на убой и свято верящих, что ведущий знает конечную цель их трагического пути...

Смущение Никиты не ускользнуло от внимания Михаила.

— Меня же самого там тоже задело, — признался он, — одиннадцатое ранение.

— А остальные откуда? — спросил Никита, не очень-то поверивший в его боевое прошлое.

— Отовсюду помаленьку собрал. Начал с Афгана.

Оказалось, что после Афганистана Михаил постоянно работал на севере вахтовиком и иногда ездил в «горячие точки», «на сбор металлолома» для родного беспокойного тела: Карабах, Приднестровье, Абхазия... Господи, где он, оказывается, только не был! Жил и работал где-то в Тюмени, но в Москве бывал довольно часто, в Подмоскovie жили его престарелые родители и сестра. В Белый дом в октябре девяносто третьего попал совершенно случайно и, кажется, не жалел об этом.

Взводным стал, наверное, по боевому опыту, характеру и по офицерскому званию, полученному еще в техникуме, сразу после армии. А, скорее всего, по принципу все того же Робеспьера: всегда быть впереди, всегда быть на виду и ни в чем и никогда не сомневаться, проливая свою и чужую кровь.

Ведь говорили же коммунисты, что там, где кровь — дело верное, дело правое.

Кречет, слушавший текст завещания и последующий разговор Никиты с Михаилом, неожиданно сказал:

— Есть умное изречение: «Если бы бога не было, то его следовало бы выдумать». Это завещание неплохо бы в годовщину расстрела отпечатать листовкой и расклеить по городу. Но это потом... Для нас главное — завтрашняя демонстрация...

Всю колонну марширующих по столице казаков постоянно снимали кинооператоры, фоторепортеры, телевидение. В основном иностранцы.

За спиной у Никиты, шедшего рядом с Кречетом по правую руку впереди колонны, кто-то громко пошутил:

— Все, теперь весь Интерпол будет иметь наши фото. Черт подери, на Кипре уже не позагораеть!

— Не переживай! — ответил из глубины колонны другой голос. — Ельцин тебе в солнечном Магадане лежанку на пляже бесплатно предоставит!

Все засмеялись, но смех был не очень-то веселым: никто не знал, чем кончится для них сегодняшнее противостояние режиму.

— Никита! — неожиданно сказал Кречет. — Если у тебя там, в твоей Сибири, будут осложнения с братками или еще с кем-нибудь, звони сразу. Упакуем любого без лишних разговоров. Понял?

— Понял! — сказал Никита, догадавшийся, что Кречет окончательно зачислил его в свою команду.

Конечно, особой радости он от этого не испытал, но все-таки ему было приятно, что Кречет видит в нем товарища, а не попутчика. Он ничего не стал больше говорить Виктору и повернул голову в сторону

тротуара, пытаясь разглядеть народ, стоящий по обе стороны дороги. Затем снова стал разглядывать корреспондентов.

Действительно, иностранцев среди них было на удивление много. Обвешанные аппаратурой, они волчками крутились вокруг «Рашен казак экзотик!». Особенно усердствовала маленькая фотокорреспондентка, кажется англичанка, которой так полубился Карпенко, что она почти весь путь до Большого театра прошла с казаками, постоянно прося Михаила сделать очередной орлиный взгляд и звериный окрик, типа: «Подтянись!», «Левой, левой!» и «Не отставать!». Делал он это с удовольствием, но под насмешки казаков, имеющих гораздо больше его звезд на погонах и боевой опыт на всех фронтах объявленных и необъявленных войн, которые вел в последние годы великий Советский Союз.

Уже потом Михаил признался Никите, что эта журналистка доставала его еще в октябре девяносто третьего, в Белом доме и после него. Даже в больнице нашла, где он валялся под капельницей.

Что ж, не только иностранцы любят русских баб, но и иностранки, видно, не брезгают русскими мужиками.

Горбатый мост.

Сразу после демонстрации часть казаков пошла туда.

Небольшой переулок весь был засыпан цветами, деревья обвешаны венками, красными и черными лентами, у деревьев лежала поминальная еда, горели церковные свечи... Среди людей в ярких праздничных одеждах молча ходили женщины в траурных косынках, с альбомами фотографий людей, убитых в октябре на этом месте. И было их много.

Вероятно, среди убитых были их родственники.

По тротуарам толпились люди. И не просто жители города, а знаменитости, которых знал весь мир.

Впервые здесь Никита увидел Юрия Власова, стоящего под руку с женщиной редкой красоты, вероятно, женой. Ее волосы, расчесанные на прямой пробор и заплетенные в косу вокруг головы, напоминали портреты кубанских красавиц и, одновременно, она была чем-то похожа на улыбающуюся сборщицу винограда с картины Карла Брюллова. Но только эта женщина не улыбалась. И Власов не улыбался. Оба они с грустью смотрели на людскую реку, текущую мимо, а Никита, наоборот, смотрел на эту пару издали и любовался ими.

Никита всегда представлял великого атлета плотным и низкорослым, немного аполитичным и, по-советски, духовно сытым, такое сложилось впечатление по кинолентам его выступлений, на самом деле

Власов оказался высоким и стройным человеком, не побоявшимся выйти на праздник, вылившийся в протест против циничного расстрела режимом Ельцина оппозиции.

Тут же стояла группа советских генералов в полной парадной форме и о чем-то нарочито громко разговаривала между собой, размахивая руками в направлении Белого дома.

— Вон там! — сказал генерал Качалов, высокий и еще моложавый военачальник, бесславно сдавший страну внутреннему завоевателю, показывая на высокий бетонный забор. — Вон там, за стеной, лежат в трех братских могилах две с половиной тысячи убитых Ельциным. Они потому и загорodились, чтобы мы не смогли раскопать наших героев и предъявить их трупы в качестве доказательства преступления режима.

Поговорив еще немного в этом же духе, покружив по переулку, словно коршуны в серых мундирах, генералы ушли пить водку, позвякивая советскими и иностранными орденами и медалями.

Праздник, все-таки.

В середине переулка собралась стая журналистов, окруживших еще одного героя защиты Белого дома, Александра Руцкого. Как-то так случилось, что Никита оказался плотно прижатым к нему с правой стороны и все вопросы, которые задавали иностранные и наши журналисты генералу, одетому в черный, с металлическими проблесками гражданский костюм, и все его пространные ответы были ему слышны вполне отчетливо.

Слушая Руцкого, рассматривая его заметно поседевшие усы и дюжих охранников за спиной, Никита думал, что, наверное, нужно было бы еще с полгодика продержать товарища генерала на тюремном пайке, может, тогда бы он и стал на самом деле тем, кем хотел сейчас казаться. Наверное, страх за личную безопасность и полная неуверенность в завтрашнем дне, подталкивала Руцкого говорить нужные сегодня слова. А что он говорил вчера и позавчера? О чем думал, бросая людей на смерть в октябре? Разве он не понимал, что локальный конфликт у стен правительственного здания может перерасти в полномасштабную гражданскую войну? Понимал. И, возможно, именно этого хотел, этого добивался...

Митинг на Лубянке был в полном разгаре, когда казаки подошли к самой трибуне. С удивлением увидел Никита на возвышении Зюганова и членов нового руководства обновленной компартии, веселых, бодрых и напористых. Там же были литераторы, космонавты, депутаты разогнанного Верховного Совета и кто-то еще очень знакомый, узнать ко-

того Никита никак не мог. Речи выступающих были привычно агрессивны, многообещающи и неумеренно патриотичны.

Кто-то даже упомянул добрым словом и казачество, после чего Никите захотелось уйти и не «светиться» перед большевистской трибуной, но казаки стояли, слушали говоривших и он решил остаться до конца. Но слушал выступления уже вполуха, больше смотрел по сторонам, особенно в сторону открытых окон на верхних этажах бывшего здания КГБ.

— Вот там сейчас работа идет! — усмехнулся какой-то усатый казак, стоявший рядом с Никитой. — Сколько киноплёнки испортят, сколько магнитофонов эту болтовню запишут. Чего доброго и наши физиономии сфокусируют.

— Боишься? — спросил Никита.

— Чего нам уже бояться? За сегодняшний поход по старым меркам десяткой не отделаешься. Вышка.

— Ничего, пробьёмся. Бог не выдаст, свинья не съест!

В это время к ним незаметно подошел уже знакомый коммунистический «культ-массовик» в полувоенной форме и тихо сказал, глядя в сторону:

— Казачки, не уходите поодиночке. Вас бейтаровцы взяли на крючок. Могут быть провокации. О'кей?

— О'кей! — сказал Никита, и передал по цепочке своим, чтобы потихоньку выбирались из толпы митингующих.

Собравшись у выхода с площади, как раз со стороны бывшего здания КГБ, казаки договорились встретиться завтра в Троицко-Сергиевой лавре, куда их всех пригласил Влад Домин.

Расходились по двое, по трое, не пренебрегая предупреждением активиста-затейника из КПРФ. Как говорится, береженого и бог бережет.

Перед вами отрывок из книги воспоминаний казака Алексея Харитоновича Нестеренко, участника Великой Отечественной войны.

Книга «Currículum vitae, или Исповедь изгоя» написана казаком Александром Толкачевым в 2003 году, но она не издана до сих пор из-за отсутствия денег на ее издание.

Алексею Харитоновичу Нестеренко 26 марта 2015 г. исполнился 91 год. Он прожил сложную и необычную жизнь даже по сравнению с другими ветеранами войны: воевал в казачьей части добровольно с осени 1941 г., попал в плен под Харьковом в 1943 году, был у немцев в подразделении «хиви», сдался во Франции в плен союзникам и три месяца официально служил в американской армии, затем вновь

добровольно вступил в Красную армию и после войны получил свои «законные» 10 лет лагерей.

В конце 90-х, бросив в Киргизии два добротных дома, выехал в город Томск, к дочери, с 300 долларами — это все, что он вывез в Россию из некогда «братской страны» после распада СССР.

В настоящее время казак Нестеренко ведет активный образ жизни, даже пытается выращивать в условиях сурового сибирского климата виноград.

А. А. ТОЛКАЧЕВ

ПЕРЕПРАВА

Скорее всего, немцы точно знали, что на этом участке фронта происходит накапливание наших сил для наступления, поэтому они вели прицельный и губительный огонь по всем возможным местам массового скопления живой силы и техники. Не исключая, что их разведка работала в нашем тылу с большим успехом, чем наш СМЕРШ.

Не доезжая нескольких сот метров до указанного нам места переправы на реке Жиздра, мы вдруг услышали несколько далеких хлопков.

По звуку это были наши 122-миллиметровые полковые минометы, так определили офицеры, и мы спокойно продолжили передвижение.

Неожиданно раздался противный свист, и три мины точно попали в центр нашего эскадрона, натворив колоссальные беды.

Они рванули с интервалом в несколько секунд одна за другой и почти что рядом друг с другом.

Мгновенно все смешалось вокруг. Еще одна, а может быть, и две мины разорвались, даже не коснувшись земли, как шрапнель, в самой гуще людей и лошадей.

Сразу появилось много раненых и убитых казаков. Шарахнулись в сторону испуганные насмерть лошади. Все смешалось в какой-то один надрывный и непонятный крик. Лошади ржали, станичники стонали, кричали и звали на помощь.

В эту минуту, ожидая следующего взрыва, каждый думал только о себе: где и как укрыться от губительного металла? Как спасти себя и только себя...